

АДАПТАЦИЯ К АНТИКРИЗИСНЫМ МЕРАМ: ПРАВА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А. В. Мозговая¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Мозговая А. В. Адаптация к антикризисным мерам: права личности и общественная безопасность // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 134–147. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9201. EDN OZLKCX

Аннотация. Для современного этапа общественного развития характерны природные и технологические изменения, последствия которых могут привести как к глобальным, так и к локальным потрясениям, принимающим характер институциональных кризисов, чрезвычайных ситуаций, катастроф. Антикризисные меры, пост-катастрофное восстановление касаются всех аспектов социальной жизнедеятельности, включают макроуровень и повседневный жизненный уклад населения. Эффективность любых мер, разработанных субъектами институциональной среды, прямо и непосредственно связана с тем, какой способ адаптации к ним избирает население: принимает – игнорирует – отвергает.

Целью анализа в статье является выявление личностных особенностей, внешних факторов, социальных позиций и предпочтений, связанных с выбором приоритета личного представления о способах обеспечения безопасности в условиях кризисов или мер, разработанных профессионалами и институциональными структурами. Эмпирической базой анализа являются данные 27-й волны общероссийского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Анализ производится на базе данных репрезентативной выборки, из которой удалены респонденты в возрасте менее 18 лет. Показатели сгруппированы по нескольким блокам признаков: социально-демографические характеристики респондентов; адаптационные возможности; ценности; защищённость; отношение к социальной среде.

Анализ эмпирических данных, предпринятый в статье, выявил ряд сходств и различий между целевыми группами, сформированными по критерию принятия ограничений прав и свобод ради обеспечения общественной безопасности. Интерпретация полученных результатов позволяет утверждать, что ресурсами «перезаформирования» изначально декларируемой установки на непринятие требований среды являются развитие личной адаптивности, рост институционального доверия, более тесное сотрудничество населения и принимающих решения субъектов, значительное повышение уровня ответственности по отношению к законам.

Ключевые слова: адаптация; доверие; защищённость; кризис; ограничения прав

Введение

Одной из отличительных черт современности являются риски природно-климатических, социальных, технологических изменений, которые могут создавать кризисные ситуации различного масштаба. В социальных науках кризис рассматривается как угроза значимым ценностям, общественной безопасности, институциональной системе жизнедеятельности и социального взаимодействия [5; 10]. От своевременного определения факторов, несущих опасности и угрозы, зависит успешность антикризисных мер, адаптация к ним населения. Специалисты, отмечая трудности прогнозирования ущербов и потерь в силу неопределённости причинно-следственных связей, считают, что оптимизация взаимодействия с кризисами зависит от роста уровня управленческого профессионализма и научной обоснованности процесса выявления и предотвращения опасных последствий рисков и угроз.

Опыт последних десятилетий показал, что в ближайшей перспективе население планеты не сможет избежать последствий бедствий различного масштаба — от глобальных до локальных. Следовательно, возрастает актуальность социологического обеспечения разработки принципов и методов предотвращения негативных последствий кризисов, в частности — знания специфики факторов, связанных с оценками и установками населения относительно ограничительных мер и запретов, которые включаются на этапе управления.

В исследованиях, выступающих научным обоснованием управленческих решений, важными базовыми показателями являются те, что выявляют особенности адаптации различных категорий населения к тем или иным изменениям в их жизненном укладе, измеряют уровень и факторы, связанные с доверием социальным институтам. В критических обстоятельствах, таких как чрезвычайные ситуации технологического, социального, биологического генезиса, природные бедствия, катастрофы, от уровня принятия и поддержки управленческих решений в значительной степени зависит успех разработанных для обеспечения безопасности населения мероприятий.

В связи с этим значимым представляется знание личностных качеств и социальных установок людей, по-разному относящихся к запретам и ограничениям их прав и свобод в периоды кризисов, бедствий, чрезвычайных ситуаций. Казалось бы, человеку разумному должно быть очевидным, что запрет на разведение огня обусловлен риском пожаров, требование носить маску в период пандемии — необходимостью прервать цепочку заражений. Тем не менее есть определённое количество людей, которые в соответствии с некоторыми своими представлениями и позициями не соблюдают временные запреты и ограничения, введённые управленческими структурами, не принимая внешнего контроля над их представлениями о нормативах социального поведения.

Исследования показывают, что в представлении населения России о соотношении интересов государства и прав и свобод личности за период модернизации произошли существенные изменения. Анализ динамики нормативно-ценностной системы населения России выявил неоднозначность «доминирования уже в начале 2010-х гг. интересов государства по отношению к правам человека», более того, «выросла доля сторонников прав человека на свою позицию и активное её отстаивание» [7, с. 138]. Опыт предотвращения и ликвидации последствий кризисных ситуаций, бедствий и катастроф свидетельствует, что в этих условиях неминуемо нарушение баланса между правами и свободами личности и жёсткими институциональными мерами обеспечения общественной безопасности.

Целью анализа в статье является попытка на материалах массового опроса выявить личностные особенности, внешние факторы, социальные позиции и предпочтения, связанные с выбором приоритета личного представления о способах обеспечения безопасности в условиях кризисов или мер, разработанных профессионалами и институциональными структурами.

Эмпирической базой анализа являются данные 27-й волны общероссийского мониторинга экономического положения и здоровья населения¹. Анализ производится на базе данных репрезентативной выборки², из которой удалены респонденты в возрасте менее 18 лет.

Ограничения в условиях кризисов и чрезвычайных ситуаций: детерминанты отношения населения

Респондентам предлагалось определить свою позицию относительно принятия/непринятия вводимых управляющими структурами ограничений прав и свобод в период кризисов и чрезвычайных ситуаций для обеспечения общественной безопасности. Полностью принять такие условия готовы 6,7% респондентов, принять до «разумных пределов» – 44,8%, скорее не готовы – 20,1%, категорически не примут 19,6% респондентов. Не дали ответа или затруднились ответить 8,8% респондентов. Совокупности респондентов, давших значимые ответы, далее принимаются за целевые группы, по отношению к которым производится анализ.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>).

² Подробнее об особенностях выборки см. в разделе «Модель выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ» на сайте НИУ ВШЭ: <https://www.hse.ru/org/hse/rlms/sample>.

Цель, как заявлено выше, — выявить наличие связи ряда признаков, личностных черт, установок с отношением к ограничениям прав и свобод в период социальных кризисов, природных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Поскольку для анализа используются данные одной из волн многоцелевого мониторингового опроса населения, показатели построены только на тех переменных, которые можно адекватно соотнести с задачей нашего исследования. Конкретно отобранные показатели сгруппированы по нескольким блокам: социально-демографические характеристики респондентов; адаптационные возможности; ценности; защищённость; отношение к социальной среде.

Социально-демографические характеристики. Объективные данные, такие как пол, возраст, брачное состояние, социальный статус, оказываются зачастую факторами, с которыми связана специфика оценок, позиций, жизненных планов. Анализ соответствующих показателей для целевых групп в нашем исследовании выявил как сходства, так и различия.

Существенных различий между группами по соотношению мужчин и женщин нет, оно составляет порядка 0,7. По возрасту анализируемые группы оказались однотипными: доли респондентов в заданных возрастных интервалах практически одинаковы: 18–25 лет — от 8 до 11%, 26–35 лет — от 16 до 18%, 36–45 лет — 16–17%, 46–55 лет — 15–17%, 56–69 лет — 25–26%, 70 и более лет — от 14 до 19%. Различий по роду занятий на момент опроса также не обнаружено.

Анализ распределения по типу законченного образования выявил различия по законченному высшему образованию: доля имеющих высшее образование среди согласных мириться с ограничениями прав и свобод ради общественной безопасности в этих группах составляет по 33%, а среди тех, кто не готов, — 24%.

Адаптационные возможности. Взаимодействие со средой требует от субъекта выработки собственных адаптационных практик как порядка действий и поведения в повседневной жизни. Адаптация к институциональным нововведениям происходит как с использованием привычных практик, так и путём создания новых, соответствующих изменившимся условиям. В таких ситуациях значимыми факторами выступают адаптивные возможности субъекта [1].

В блок адаптационных возможностей из имеющихся в инструментарии включены такие показатели, как адаптивность, самооценка способностей адаптироваться к изменениям, межличностное доверие, реакция на проблемы и привычные способы их решения.

Адаптивность в самом общем понимании отражает готовность взаимодействовать с новыми условиями как непосредственной жизненной, так и трансформирующейся социальной среды [6]. Исследования показывают, что высокий уровень адаптивности «характеризуется возможностью решать более сложные адаптационные задачи в короткие сроки» [8, с. 365]. Для определения уровня адаптивности респондентов им предлагалось ответить на вопрос о том, легко или трудно они приспосабливаются к изменениям в своей жизни, — по шкале от нуля до десяти. Шкала была преобразована следующим образом: крайние

значения «0» и «10» оставлены, суммированы баллы 1, 2, 3 – это низкие оценки; 4, 5, 6 – средние оценки; 7, 8, 9 – высокие оценки. Группировка выявила ряд различий (табл. 1).

Таблица 1

Оценка целевыми группами личных адаптивных способностей, %

Отношение к ограничениям прав и свобод для обеспечения безопасности	Оценки адаптивных способностей				
	0 баллов	Низкие оценки	Средние оценки	Высокие оценки	10 баллов
Принимают ограничения	0,3	12,0	42,5	31,3	10,7
Принимают «до разумных пределов»	0,7	12,3	45,7	32,5	4,7
Склонны не принимать ограничения	0,7	23,7	48,6	27,1	1,8
Категорически не согласны с ограничениями	1,6	25,4	42,3	23,1	3,8

Примечание. Сумма процентов меньше 100, в таблице не приведена доля затруднившихся и отказавшихся от ответа.

Приведённые данные позволяют утверждать, что респонденты, готовые мириться с ограничениями прав и свобод для обеспечения общественной безопасности, выше оценивают свою адаптивность, способность приспосабливаться к изменениям. Соотношение долей высоко оценивающих свои адаптивные способности в группе полностью принимающих ограничения и в группе категорически не согласных составляет 42% к 27%. Причём порядка 60% из них отвечают, что им вполне хватает такого уровня, а в группах, не желающих мириться с ограничениями и запретами, доля довольных своими адаптивными способностям порядка 50%.

Считают, что большинству людей можно доверять, около 20% тех, кто принимает ограничения прав и свобод для обеспечения безопасности, и 13% тех, кто не принимает. Эмоциональная реакция на проблемы существенно не отличает представителей анализируемых групп: четверть респондентов воспринимают их с тревогой, около половины – быстро берут себя в руки; проблемы и те, и другие решают самостоятельно: доли таких ответов составляют порядка 60%, в среднем около 15% опрошенных предпочитают переждать, 22–25% – обращаются за помощью.

Ценности. Исследования социологов давно установили факт значимого влияния ценностных ориентаций личности на социальное поведение. В соответствии с предметом анализа в данной статье нас интересовали представления респондентов по поводу ценности жизни и значимости таких ценностей, как независимость в суждениях, оценках и действиях.

Доли респондентов, считающих недопустимыми человеческие жертвы ни при каких обстоятельствах, в четырёх анализируемых группах составляют порядка 76%, в группе категорически не принимающих никаких ограничений

прав и свобод – 89%. Ценность независимости в поступках и суждениях важна одинаково для представителей всех четырёх анализируемых групп: рискнуть этими ценностями ради важной цели готовы от 11 до 19% респондентов, причём большая доля наблюдается в группе готовых мириться с ограничениями до «разумных пределов».

Отношение к социальной среде. Социальные установки и поведение субъекта тесно связаны с доверием системообразующим институтам. Методологи в сфере общественно-политического знания обосновывают идею о том, что доверие представляет собой общесоциологическую категорию социетального уровня [9]. Доверие давно рассматривается как важнейшее операционализируемое понятие эмпирической социологии, помогающее связать социальное поведение с личностными установками индивидов, в частности – с адаптацией к институциональным нововведениям. В системе анализа динамики общественных настроений, ценностных приоритетов, отношения к реформам в нашей стране измерение как межличностного, так и доверия институтам политической, экономической, социальной систем занимает существенное место [3]. «Доверие можно определить как уверенность в надёжности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий» [2, с. 150–151]. Степень доверия (недоверия) есть мера соответствия установок индивида на взаимодействие с тем или иным субъектом, социальным институтом, поскольку «...природа современных институтов глубоко связана с механизмом доверия к абстрактным системам» [2, с. 212].

В описываемом исследовании анализ производился по таким показателям, как доверие социальным институтам, идентификация субъекта решений в опасных ситуациях, установка на следование законам.

Респондентам предлагалось по пятибалльной шкале определить, насколько они доверяют ряду социальных институтов. В таблице 2 приведены данные суммарно по позициям: «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

Данные показывают достаточно высокий уровень доверия силовым структурам – армии, полиции. Законодательной и исполнительной власти в значительно большей степени доверяют те респонденты, которые готовы мириться с ограничениями их прав и свобод для обеспечения общественной безопасности. Различия между анализируемыми группами существенные. Соотношение индекса, рассчитанного для имеющих в инструментарии институтов, для целевой группы согласных мириться с ограничениями для обеспечения безопасности и не согласных оставляет 36 к 27. Связь очевидна, однако направление этой связи, то есть причину и следствие, в данном исследовании установить не представляется возможным. Данные тем не менее дают возможность получить представление о том, кого респонденты считают субъектом решения в рискованных, опасных ситуациях, когда необходимо обеспечить общественную безопасность.

Таблица 2

**Высокий уровень доверия основным социальным институтам
(сумма ответов по позициям: «полностью доверяю» и «скорее доверяю»), %**

Социальные институты	Отношение к ограничениям прав и свобод для обеспечения безопасности			
	Принимают ограничения	Принимают до «разумных пределов»	Склонны не принимать ограничения	Категорически не согласны с ограничениями
Правительство РФ	51	35	28	26
Госдума	42	25	19	20
Суды	38	28	25	28
Армия	73	64	56	57
Полиция	51	38	33	38
Российские банки	40	31	28	31
Иностранные банки	14	9	10	13
Страховые компании	15	13	15	18
Мелкий и средний частный бизнес	23	21	23	28
Политические партии	14	7	8	11

Доли считающих, что люди, а не только профессионалы, должны влиять на решения, которые могут нанести вред их здоровью и природе, в целевых группах сходны, различия несущественные: от 44 до 49% опрошенных в субъект решений включают население. Сходные данные выявлены в оценках навязываемого риска: от 30 до 35% респондентов считают, что риск в их жизни возникает не от их решений. Доли согласных с тем, что власти, принимая решения, связанные с риском, учитывают интересы населения, выше в группах, готовых мириться с ограничениями: от 36 до 42% против 30% респондентов, имеющих другие установки относительно ограничений.

Инструментарий даёт возможность определить позиции респондентов относительно следования законам и постановлениям.

Респондентам предлагалось определить, насколько они согласны с рядом суждений относительно их установок в правовой сфере. Практически одинаково настроены представители анализируемых групп по поводу того, что несправедливый, с точки зрения гражданина, закон можно обойти: доля несогласных с таким утверждением составляет от 58 до 64%. Аналогичное единодушие наблюдается по поводу утверждения о том, что если граждане видят, что закон не соблюдается государственными или политическими деятелями, то и рядовым гражданам

можно его не соблюдать: доли несогласных с этим утверждением составляют от 49 до 55%. Различия обнаружены по поводу утверждения о том, что в России невозможно жить, не нарушая закон: среди готовых принять ограничения такую позицию разделяют порядка 30% респондентов, среди категорически не принимающих ограничений прав и свобод ради безопасности доля согласных с тем, что невозможно не нарушать закон, составляет 48,6%.

Декларированное законопослушное и уважительное отношение к закону практически одинаково характерно для всех целевых групп. Различия обнаруживаются в оценках реального поведения: почти половина респондентов из категории не принимающих ограничения их прав ради общественной безопасности считают, что жить, не нарушая закон, невозможно.

Защищённость. Оценки социальной защищённости — это своеобразное отражение институционального доверия через призму конкретного опыта взаимодействия с социальной средой. Для анализа взяты данные относительно оценок степени безопасности, опыта социальных проблем, защитных функций социальной среды.

Доверие индивида к социальным институтам, к органам власти соотносится с такими эмпирическими индикаторами, как оценка степени надёжности, предсказуемости, заинтересованности в благополучии населения, охрана природной и создание благоприятной социальной среды, которые, в свою очередь, являются проявлением определённых установок. В целом эти установки соответствуют представлению индивида о защитных функциях институциональной среды.

Ощущения безопасности не хватает значительной части респондентов: от 52 до 55% опрошенных, за исключением группы безоговорочно готовых мириться с ограничениями: среди них доля тех, кому не хватает ощущения безопасности, составляет 40%.

Для получения информации об опыте социальных проблем анализировались данные о том, сталкивались или нет респонденты с целым перечнем социальных трудностей. Выявлены проблемы, с которыми сталкивалось незначительное количество респондентов (от 0,1% до 5,2%): ограбления, побои, уличное хулиганство; домашнее насилие; теракт или его последствия; ущемление прав по полу, возрасту, политическим взглядам, религиозным убеждениям, национальности; невозможность добиться справедливого решения суда. Проблемы, с которыми сталкивалось значительное количество респондентов, представлены в таблице 3.

Анализ показывает, что существенные различия имеются по позициям «нехватка средств на выживание» и «нехватка денег на качественные продукты»: среди принимающих ограничения доля респондентов, имеющих опыт таких трудностей ниже. По остальным проблемам опыт у анализируемых групп практически одинаковый. Значительная часть проблем, с которыми сталкивались респонденты, находятся в сфере контроля социальных институтов. Вредные и некачественные продукты, бесплатный доступ к высокопрофессиональной медицине и дорогостоящим препаратам, здоровая окружающая среда — это прерогатива социальных институтов, основная функция которых состоит в защите интересов населения.

Таблица 3

Социальные проблемы, с которыми сталкивались более 15% респондентов, %

Социальные проблемы	Отношение к ограничениям прав и свобод для обеспечения безопасности			
	Принимают ограничения	Принимают до «разумных пределов»	Склонны не принимать ограничения	Категорически не принимают ограничений
Нехватка средств на выживание	25	33	37	40
Наличие в магазинах некачественных, вредных продуктов питания	57	61	56	56
Нехватка денег на качественные продукты	41	50	50	50
Недоступность многих видов медицинского обслуживания	43	44	41	42
Врачебные ошибки	17	20	15	21
Отсутствие лекарств в аптеках	16	15	14	17
Загрязнение воздуха, питьевой воды	46	48	44	43
Свалки, вредные производства	40	43	40	40
Недостаточность информации в СМИ	21	26	22	21
Навязывание через СМИ тех или иных убеждений	27	30	25	23

В инструментарий исследования был включён вопрос, позволяющий интерпретировать представления респондентов о том, насколько успешно ряд субъектов социальной среды выполняют свои защитные функции. Респондентам предлагалось высказаться по поводу того, помогут ли в сложных жизненных ситуациях те или иные институты, основной функцией которых и является защита жизненных интересов и прав граждан. В таблице 4 результаты анализа представлены в формате индексов, способ конструирования и способ интерпретации приводятся в примечании.

Абсолютная уверенность в высокой защитной функции тех субъектов, которые представлены в инструментарии опроса, выше у целевой группы принимающих ограничения.

Анализ аналогичных индексов по позициям «скорее помогут» и «скорее не помогут» (относительная защищённость) демонстрирует ту же тенденцию, но в перечень субъектов, защитная функция которых оценивается относительно высоко, включаются органы соцзащиты и церковь в группе принимающих ограничения респондентов.

Таблица 4

Оценка защитных функций институциональной среды в сложных жизненных ситуациях по параметру «уверенности» (индекс «абсолютной» защищённости)

Субъекты институциональной среды	Отношение к ограничениям прав и свобод для обеспечения безопасности			
	Принимают ограничения	Принимают «до разумных пределов»	Склонны не принимать ограничения	Категорически не согласны с ограничениями
Представители власти	0,7	0,18	0,12	0,07
Суды	0,9	0,2	0,13	0,08
Полиция	1,4	0,5	0,37	0,19
Церковь	0,4	0,12	0,14	0,13
Органы соцзащиты	0,67	0,3	0,18	0,1
Благотворительные фонды	0,38	0,17	0,07	0,07
Правозащитные и иные общественные организации	0,3	0,15	0,07	0,06

Примечание: индекс рассчитывался как отношение доли ответивших «точно помогут» к доле ответивших «точно не помогут». Чем выше значение индекса, тем выше оценка защитной функции институциональной среды

Выводы

Для современного этапа общественного развития характерны природные и технологические изменения, последствия которых могут привести как к глобальным, так и к локальным потрясениям, принимающим характер институциональных кризисов, чрезвычайных ситуаций, катастроф. Антикризисные меры, посткатастрофное восстановление касаются всех аспектов социальной жизнедеятельности, включают макроуровень и повседневный жизненный уклад населения. Эффективность любых мер, разработанных субъектами институциональной среды, прямо и непосредственно связана с тем, какой способ адаптации к ним избирает население: принимает – игнорирует – отвергает. Функция адаптации отражает «стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой» [4, с. 18–19]. В соответствии с множеством внутренних и внешних факторов субъект формирует порядок адаптационного поведения, направленного на взаимодействие с изменениями среды.

Среди населения имеются категории, не принимающие разработанных субъектами институциональной среды ограничений их гражданских прав и свобод в условиях кризисов и чрезвычайных ситуаций, – даже ради общественной безопасности. Подобные установки зачастую приводят не только к саботированию, но и к протестным выступлениям части населения. Доля не принимающих ограничений респон-

дентов составила 40% в репрезентативной общероссийской выборке, что обусловило исследовательский интерес автора статьи к анализу связи адаптационных установок с рядом заданных и приобретённых личностных особенностей респондентов.

Анализ эмпирических данных, предпринятый в статье, выявил ряд сходств и различий между целевыми группами, сформированными по критерию принятия ограничений прав и свобод ради обеспечения общественной безопасности.

Группы однотипны по соотношению мужчин и женщин, возрастному распределению, роду деятельности. Чем выше уровень образования, тем более готовы люди адаптироваться к требованиям институциональной среды через принятие ограничений. Принимающие ограничения значительно выше остальных оценивают уровень своей адаптивности, у них выше уровень доверия социальным институтам и оценки их защитной функции. Респондентов, демонстрирующих способ адаптации к ограничениям через их неприятие, отличают более высокие оценки ценности человеческой жизни, чем у принимающих ограничения, низкий уровень доверия институтам и низкие оценки социальной защищённости, а также убеждённость в том, что жить, не нарушая закон, в современной реальности невозможно.

При значимых мировоззренческих отличиях респонденты сходны в приверженности таким ценностям, как независимость в оценках, суждениях, действиях, они разделяют позицию участия населения в принятии решений, касающихся охраны природной среды и здоровья населения, имеют практически одинаковый опыт социальных проблем и однотипные способы решения жизненных проблем.

Один из результатов произведённого анализа состоит в выходе на перспективную исследовательскую задачу, суть которой в следующем. Значительная доля населения декларирует устранение от взаимодействия с институциональной средой как способ адаптации к ограничениям в условиях кризиса. Декларация, как установлено социологическими исследованиями, не однозначно реализуется в соответствующем социальном поведении. Значимым научным результатом может стать информация относительно факторов, которые детерминируют реализацию декларируемой установки или, напротив, отказ от неё в пользу принятия временных ограничений. Анализ показал, что ресурсами такого «переформатирования» изначально декларируемой установки на неприятие требований среды является развитие личной адаптивности, рост институционального доверия, более тесное сотрудничество населения и принимающих решение субъектов, значительное повышение уровня ответственности по отношению к законам.

Список литературы

1. Аврамова Е. М. Адаптационное поведение населения как фактор социального развития / Е. М. Аврамова, Д. М. Логинов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3 (92). С. 36–44. DOI 10.22204/2587-8956-2018-092-03-36-44. EDN YOTPSH.

2. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича ; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. М. : Праксис, 2011. 343 с.

3. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
4. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. EDN QODFKB.
5. Порфирьев Б. Н. Кризисы и риски современного развития: место и роль стратегических рисков // Стратегические риски развития России: оценка и прогноз : сб. науч. трудов / Отв. ред. Б. Н. Порфирьев. М. : ИЭ РАН, 2010. С. 9–31.
6. Ростовцева М. В. Основные подходы к исследованию адаптивности личности / М. В. Ростовцева, А. А. Машанов // Вестник КрасГАУ. 2012. № 7 (70). С. 191–195. EDN OZOFLZ.
7. Тихонова Н. Е. Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Политические исследования. 2018. № 5. С. 134–149. DOI 10.17976/jpps/2018.05.11. EDN YAEIАН.
8. Шлыкова Е. В. Уровень адаптивности и порог адаптивного потенциала взрослого населения России // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 19 / Отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2021. С. 360–383. DOI 10.19181/ezheg.2021.15. EDN FFXTYV.
9. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос. 2012. 445 с. EDN QONPXD.
10. Stern E. K. Crisis Decision making: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm : University of Stockholm, 1999. 288 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозговая Алла Викторовна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Email: mozgovai@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 71630

Дата поступления в редакцию: 15.05.2022. Принято к печати: 10.07.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9201

Adaptation to Anti-Crisis Measures: Individual Rights and Public Safety

A. V. Mozgovaya¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Mozgovaya A. V. (2022). Adaptation to anti-crisis measures: individual rights and public safety. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10. № 3. P. 134–147. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9201

Abstract. The current stage of social development is characterized by natural and technological changes, the consequences of which can lead to both global and local shocks, taking the character of institutional crises, emergencies, catastrophes. Anti-crisis measures, post-disaster recovery concern all aspects of

social life, include the macro level and the daily way of life of the population. The effectiveness of any measures developed by the subjects of the institutional environment is directly and directly related to the way the population chooses to adapt to them: accepts – ignores – rejects

The purpose of the analysis in the article is to identify personal characteristics, external factors, social positions and preferences associated with choosing the priority of personal ideas about ways to ensure security in crisis conditions or measures developed by professionals and institutional structures. The empirical basis of the analysis is the data of the 27th wave of the all-Russian monitoring of the economic situation and health of the population. The analysis is carried out on the basis of a representative sample, from which respondents aged less than 18 years have been removed. The selected indicators are grouped into several blocks: socio-demographic characteristics of respondents; adaptive capabilities; values; security; attitude to the social environment.

The analysis of empirical data undertaken in the article revealed a number of similarities and differences between target groups formed according to the criterion of accepting restrictions on rights and freedoms for the sake of ensuring public safety. Interpretation of the results obtained allows us to assert that the resources of “reformatting” the initially declared attitude to non-acceptance of environmental requirements are the development of personal adaptability, the growth of institutional trust, closer cooperation between the population and decision-making entities, a significant increase in the level of responsibility in relation to the laws.

Keywords: adaptation; trust; security; crisis; rights restrictions

REFERENCES

1. Avraamova E. M., Loginov D. M. (2018). Adaptacionnoe povedenie naseleniya kak faktor social'nogo razvitiya. [People's adaptive behavior as a social development factor]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nykh issledovanij. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. № 3 (92). P. 36–44. DOI: 10.22204/2587–8956–2018–092–03–36–44. (In Russ.).
2. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti*. (2011). [The consequences of modernity]. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «PraksiS». 343 p. (In Russ.).
3. Gudkov L. D. *Doverie v Rossii: smysl, funktsii, struktura*. (2012). [Trust in Russia: meaning, functions, structure]. *Bulletin of Public Opinion*. No 2 (112). P. 8–47. (In Russ.).
4. Kozyreva P. M. (2004). *Protsessy adaptatsii i evolyutsii sotsial'nogo samochuvstviya rossiiyan na rubezhe XX-XXI vekov*. [The processes of adaptation and evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX-XXI centuries]. M.: Centr obshhechelovecheskix tsennostej publ. 320 p. (In Russ.).
5. Porfir'ev B. N. (2010). *Krizisy i riski sovremennogo razvitiya: mesto i rol' strategicheskikh riskov*. [Crises and risks of modern development: the place and role of strategic risks]. *Strategicheskie riski razvitiya Rossii: otsenka i prognoz (sbornik nauchnykh trudov)*. Ed. by B. N. Porfir'ev. Moscow: IEH RAN publ. P. 9–31. (In Russ.).
6. Rostovceva M. V., Mashanov A. A. (2012). *Osnovnye podkhody k issledovaniyu adaptivnosti lichnosti*. [The main approaches to the study of personality adaptability]. *Vestnik KrasGAU*. № 7 (70). P. 191–195. (In Russ.).
7. Tikhonova N. E. (2018). *Sootnoshenie interesov gosudarstva i prav cheloveka v glazakh rossiiyan: empiricheskij analiz*. [Correlation of the interests of the state and human rights in the eyes of Russians: an empirical analysis]. *Political studies*. No 5. P. 134–149. (In Russ.).
8. Shlykova E. V. (2021). *Uroven` adaptivnosti i porog adaptivnogo potentsiala vzoslogo naseleniya Rossii*. [The level of adaptability and the threshold of adaptive potential of the adult population of Russia]. *Rossiya reformiruyushhayasya: ezhegodnik: vy`p. 19*. Ed. by M. K. Gorshkov. Novy`j Xronograf publ. P. 360–383. DOI: 10.19181/ezheg.2021.15. (in Russ.).

9. Shtompka P. (2012). *Doverie – osnova obshchestva*. [Trust is the foundation of society]. Moscow: Logos publ. 445 p. (In Russ.).

10. Stern E. K. (1999). *Crisis Decision making: A Cognitive Institutional Approach*. Stockholm: University of Stockholm. 288 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mozgovaya Alla Viktorovna, Sociology Doctor, Main Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Email: mozgovaya@yandex.ru

ORCID: ORCID Id: 0000-0001-6810-5931

ResearcherId: ABD-3432-2020

The article was submitted on May 15, 2022. Accepted on July 10, 2022.